

расслабляющими человека, гибельно усыпляющими его. Розовый уголек каминна, нацеленный чудовищу прямо в глаз, есть знак непрестанного бодрствования, волевого усилия, не дающего поддаться опасному и привлекательному соблазну.

Однако Анненский хорошо понимал, что преодолеть страхи и соблазны существования, духовно уцелеть в «пещере Полифема» человек не может в одиночку. Античная трагедия, основанная на мифе, влекла его прежде всего идеей «иногo Зевсова человечества вместо того инертного, из-за которого страдал великий титан» [6, с. 20]. Полнота реализации категории героического невозможна была в одиночку, для этого требовалась хорошая поддержка.

Апелляция Анненского к мифу и трагедии исходила из задачи создания большой «хоровой» формы. Опора новой поэзии на миф осмыслялась им как художественное выражение тех «ощущений», которые входят «в психологию толпы с таким же правом, как в индивидуальную психологию» [3, с. 206]. Вместе с тем Анненский писал, что современный художник есть выразитель индивидуалистической эпохи, что «поэзия становится все *индивидуальнее*» и вообще любые проявления творчества выглядят «чрезвычайно прихотливыми» [3, с. 71]. Мифологема Одиссея тоже реализовалась в «Тихих песнях» достаточно индивидуально и прихотливо, она не ликвидировала разрыва между «индивидуальной психологией» и «психологией толпы». Лирический герой первой книги Анненского, отождествляя себя с Одиссеем, не был, конечно, ни героем эпического сказания, ни персонажем «хоровой» драмы. Он выступал как носитель одинокого индивидуального сознания — в этом Л. Я. Гинзбург была абсолютно права.

Но он не был и типичным интеллигентом 80—90-х годов, ибо в лирике Анненского заявляло о себе творческое сознание, стремящееся к выходу из пространства индивидуальной лирической эмоции в сферу имперсонального переживания бытия, т. е. в сущности в сферу трагедии с ее катартическим пафосом. Анненский мечтал о том, что «центр чудесного должен быть перемещен из разоренных палат индивидуальной интуиции в чашу коллективного мыслестрадания» [3, с. 477]. «Тихие песни» этой задачи не решали. Ее решением стал «Кипарисовый ларец» — книга, до сих пор не понятая и не прочитанная по-настоящему. Но о «Кипарисовом ларце» следует говорить отдельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург Лидия. О лирике. Издание второе, дополненное. Л., 1974.
2. Федоров А. В. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984.
3. Анненский Иннокентий. Книги отражений/Издание подготовили И. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979.
4. Балухатый С. Чехов-драматург. Л., 1936.
5. Анненский И. Античный мир в современной французской поэзии//Гермес. 1908. № 7. С. 179.
6. Анненский И. Античная трагедия//Театр Еврипида. Т. I. СПб., 1907.
7. Зелинский Ф. Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик//Аполлон. 1910. № 4.
8. Булгаков С. Чехов как мыслитель. Киев, 1905.
9. Рождественский Всеволод. «Никто» и «ничто» (памяти Анненского)//Жизнь искусства. 1919. № 315. 11 декабря.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа//Лосев А. Ф. Из ранних произведений М., 1990.
11. Грозов П. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л.: 1966.
12. Гуревич Л. Памяти И. Ф. Анненского//Русская мысль. 1910. № 1. Вторая пагинация.
13. Иванов Вячеслав. О поэзии И. Ф. Анненского//Аполлон. 1910. № 4.
14. Кривич Валентин. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам//Литературная мысль. III. Л., 1925.
15. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.